

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ПРАВА НА ЗАЩИТУ

© 2018

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(Самарский университет), Самара (Россия)

Ключевые слова: правосудие; уголовное судопроизводство; состязательность уголовного судопроизводства; обвиняемый; право на защиту; право на квалифицированную юридическую помощь.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению права обвиняемого на защиту в его соотношении с конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь. Обосновывается тезис, что участие защитника в уголовном судопроизводстве призвано компенсировать процессуальное неравенство стороны защиты по сравнению с возможностями стороны обвинения в связи с возрастающим усложнением уголовно-процессуальной формы. Показывается, что сам обвиняемый, как правило, не обладает знаниями и навыками для того, чтобы эффективно противостоять обвинению. При этом обращается внимание, что Конституция РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи каждому лицу, независимо от наличия или отсутствия у него формального статуса в рамках уголовного судопроизводства. Исходя из этого, обосновывается задача переосмысления роли адвокатуры в уголовном судопроизводстве. Поскольку действующий УПК РФ провозгласил защиту прав и свобод личности в качестве единственного назначения уголовного судопроизводства, то деятельность всех без исключения официальных участников уголовного судопроизводства (дознатель, следователь, прокурор, суд) должна быть посвящена защите прав и свобод человека, прежде всего, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого с целью не допустить нарушения их прав. В свете этого в статье и деятельность адвоката рассматривается как направленная на обеспечение интересов правосудия – выявляя нарушения со стороны органов расследования и суда, обжалуя действия официальных участников процесса, добиваясь восстановления нарушенных прав, адвокат работает на повышение качества уголовно-процессуальной деятельности в целом. Из этого выводится публично-правовая функция адвокатуры. По итогам проведенного в статье анализа делается вывод, что право на квалифицированную юридическую помощь выступает важнейшей гарантией реализации права на защиту. Ограничение же права на квалифицированную юридическую помощь отрицательно сказывается как на эффективности уголовного судопроизводства в целом, так и в особенности на состоянии правовой защиты личности.

ВВЕДЕНИЕ

Право на защиту от обвинения или подозрения с конца XVIII века признается не только оплотом демократического и состязательного уголовного судопроизводства, опирающегося на основные начала разума и справедливости [1], но и в более широком политическом смысле выступает индикатором самого государства, его политического режима. Фактическое наполнение статуса обвиняемого эффективной системой процессуальных гарантий, препятствующей необоснованному обвинению, а равно не допускающей произвольного ограничения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, по меткому выражению А.М. Ларина, предстает «пробным камнем гуманности политического режима» [2, с. 62], посредством которого «правдиво отражается истинный тип как самого государства, так и его правовой системы» [3, с. 92]. А И.Я. Фойницкий еще в конце XIX столетия отмечал, что «чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе» [4, с. 13].

В свою очередь, без права на профессиональную юридическую помощь со стороны адвоката – защитника немисливо не только собственное право на защиту, но и правосудие как таковое. Тот же И. Я. Фойницкий писал: «Процесс, где обвиняемый поставлен лицом к лицу против обвинения, вооруженного всесильною помощью государства, недостоин имени судебного разбирательства: он превращается в травлю» [5, с. 15].

Не вызывает сомнений, что правосудие эффективно и справедливо только тогда, когда неукоснительно со-

блюдается известный принцип древнеримского права “*audiatur et altera pars*” («да будет выслушана и другая сторона»).

И действительно, право обвиняемого на защиту и состязательность уголовного судопроизводства не просто взаимосвязаны, но второе немисливо без первого. Обвиняемый или подозреваемый, как правило, не обладают правовыми знаниями и навыками для того, чтобы сколько-нибудь эффективно противостоять обвинению, он может быть ограничен в свободе или подвергнут иным существенно ограничивающим его возможности мерам. Участие защитника в уголовном судопроизводстве призвано компенсировать это неравенство сторон, обеспечить баланс возможностей.

Цель работы – анализ соотношения двух системообразующих процессуальных прав обвиняемого – права на защиту и право на квалифицированную юридическую помощь.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В центре сталкивающихся при производстве по уголовному делу интересов – человек, его права и свободы. Выраженное в назначении уголовного судопроизводства стремление законодателя уравновесить интересы пострадавшей и преследуемой сторон привели к существенному усложнению правовых форм уголовно-процессуальной деятельности. Ориентироваться в этих сложных правилах судопроизводства непросто даже тем субъектам, которые обладают специальными юридическими знаниями и соответствующим опытом.

Следственная и судебная практика порождает огромное количество ошибок, обусловленных не только ригидностью профессионального мышления и сформировавшимися в условиях иной правовой реальности стереотипами, но и объективными трудностями применения сложных и тесно взаимосвязанных институтов уголовно-процессуального права. Человеку же, волею судьбы вовлеченному в орбиту уголовного судопроизводства, каким бы ни был его процессуальный статус, участвовать в уголовном судопроизводстве без советов и помощи профессионала практически невозможно.

В части 1 статьи 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Имевшие место на первых порах попытки ограничить круг субъектов, имеющих право на юридическую защиту, теми, кто имеет формальный статус подозреваемого или обвиняемого, были пресечены апеллированием к позиции Конституционного суда РФ, высказанной им в постановлении по делу В.И. Маслова: факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого) [6]. Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику).

В полном соответствии с названной правовой позицией Конституционного Суда РФ и в теории и практике уголовного судопроизводства утвердился постулат: право на получение квалифицированной юридической помощи не может ставиться в зависимость от наличия или отсутствия формального процессуального статуса лица, нуждающегося в такой помощи. Поскольку решение о наделении лица тем или иным процессуальным статусом является исключительной прерогативой самих официальных субъектов производства по уголовному делу, иной подход означал бы открытую дорогу к потенциальным злоупотреблениям со стороны органов предварительного расследования, преследующих цель ограничения или вовсе лишения конкретного лица права на юридическую помощь путем непредоставления ему формального процессуального статуса.

Названная гарантия права на юридическую помощь в свою очередь обеспечивает фактическую реализацию целого спектра иных значимых прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, таких как, знать о своих правах и обязанностях, знать о предъявленном в отношении него обвинении и многих других, а значит в конечном счете гарантирует само право на защиту, но помимо этого также выступает и гарантией против признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств. Такая позиция Конституционного суда позволяет иначе оценить роль адвокатуры в уголовном судопроизводстве.

В традиционных для советского периода дискуссиях о роли адвоката-защитника в уголовном процессе референдом звучала мысль о том, что адвокат является помощником суда в установлении истины [7–9]. Однако, в условиях того времени эта по сути правильная мысль извращала смысл адвокатской деятельности, ибо требовала от адвоката той же объективности и принципиальности, что и от прокурора. В связи с этим, в литературе высказывались мнения о том, что адвокат-защитник не может и не должен следовать версии подсудимого, поскольку она является субъективной версией заинтересованного в исходе дела лица [9; 10], а отрицание возможности позиционного расхождения между защитником и подзащитным при непризнании вины последним мотивировалось стремлением не допустить превращения защитника в слугу обвиняемого [11].

В условиях не состязательного, но декларативно-демократического судопроизводства иной взгляд на роль адвоката по-видимому был просто невозможен. Формальное и строго дозированное допущение адвоката в уголовный процесс [12] после разоблачений вопиющего беззакония, царившего в сталинскую эпоху, было необходимым символом нового времени. Однако никакие демократические лозунги не могли скрыть оттенка пренебрежительности в отношении к адвокатуре, как к сообществу представителей частных интересов отдельных лиц, противостоящих публичным интересам, защищаемым следователем, прокурором и судом [13].

Содержание статьи 6 УПК РФ заставляет иначе воспринимать смысл всей уголовно-процессуальной деятельности государства. Не борьба с преступностью, олицетворявшаяся в статье 2 УПК РСФСР требованиями быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения и осуждения виновных, и не пресловутое установление истины, а защита прав и свобод личности провозглашены в качестве единственного назначения уголовного судопроизводства [3]. Из этого со всей неизбежностью вытекает, что деятельность всех без исключения официальных участников уголовного судопроизводства (в их числе дознаватель, следователь, прокурор, суд) теперь посвящена защите прав и свобод человека, прежде всего, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого с целью не допустить нарушения их прав в рамках уголовного судопроизводства. При таком подходе новый смысл обретают требования законности и обоснованности процессуальных действий и решений: каждое процессуальное действие совершается для определенной цели, но в конечном итоге для достижения назначения уголовного судопроизводства. Нарушение прав участника уголовного процесса есть искажение сущностного смысла процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Защита прав одного лица не может производиться за счет необоснованного ограничения прав других лиц.

Инициаторами возбуждения и дальнейшего стадийного движения уголовного дела выступают безусловно официальные органы и должностные лица, преследующих публичный интерес и ответственные за достижение результатов процесса. Однако только их деятельности оказывается явно недостаточно для обеспечения прав конкретного лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства. Именно здесь надо искать основание для допуска в процесс неофициальных

профессиональных участников – адвокатов – в качестве защитников или представителей. Защищая частный интерес, адвокат в конечном счете работает на интересы правосудия в целом. Выявляя нарушения и ошибки со стороны органов расследования и суда, обжалуя действия официальных участников процесса, добиваясь восстановления нарушенных прав доверителей, адвокат работает на повышение качества уголовно-процессуальной деятельности как таковой. Именно в этом видится «публично-правовая функция адвокатуры» [14, с. 105].

Сказанное ни в какой мере не следует понимать, как указание на тотальную незаконность предварительного расследования или судебного разбирательства. Суть в другом. Она состоит в состязательности уголовного судопроизводства и её гарантиях. Признав, что органы предварительного расследования выполняют функцию уголовного преследования и что адвокат-защитник, выполняющий противоположную процессуальную функцию, имеет равные со стороной обвинения процессуальные возможности, законодатель создал такую конструкцию, при которой стороны взаимно контролируют друг друга. Такое построение уголовного процесса справедливо, поскольку позволяет суду получить действительно разносторонний и объективный взгляд на обстоятельства дела, а, следовательно, принять верное решение.

Расширение возможности участия адвоката в уголовном судопроизводстве имеет значение и для совершенствования процессуального закона. Несвязанный ведомственными интересами и не скованный в проявлении инициативы бюрократическими рамками, ищущий наилучшие возможности для выполнения своей функции, адвокат чаще, чем кто-либо другой видит недостатки законодательной регламентации, препятствующие ему повысить эффективность своей деятельности. Сказанное не нуждается в особом обосновании, достаточно обратить внимание на количество инициированных адвокатами жалоб, по которым Конституционный суд РФ принял судьбоносные для отечественного уголовного судопроизводства решения [15].

В свете сказанного представляется очевидным, что ограничение права на квалифицированную юридическую помощь, а также недостатки правового регулирования статуса защитника отрицательно сказываются как на эффективности уголовного судопроизводства в целом, так и в особенности на состоянии правовой защиты личности в обществе.

В самом общем виде задачи защитника состоят в сопоставлении предъявленного лицу обвинения, обосновании его меньшей виновности, наличия обстоятельств, смягчающих ответственность обвиняемого, а также в оказании ему иной юридической помощи (консультирование, разъяснение сущности процессуальных актов, согласование позиции и т. д.). Адвокат стремится разрушить или, как минимум, ослабить обвинение. В связи с этим на страницах печати все чаще стали появляться высказывания, формирующие представление о защите по уголовному делу как деятельности, препятствующей объективному расследованию, обладающей все возрастающим арсеналом разрушительных возможностей и вынуждающей субъектов расследования испытывать трудности в преодолении противодействия со стороны защитника-адвоката [16; 17]. УПК РФ подвергается же-

стой критике за то, что во всем уголовном процессе порождена порочная практика увеличения прав обвиняемого и его защитника за счет уменьшения прав следователя и возложения на него все больших обязанностей [18–20].

В этом и подобных ему случаях наука явно используется для создания ложных представлений об осуществляемой по уголовному делу защите как о намеренном, умышленном противодействии расследованию, неизменно называемому объективным, с целью воспрепятствовать справедливому возмездию. Насаждение таких представлений способно иметь чрезвычайно негативные последствия.

Представляется, что причины рассматриваемой тенденции коренятся в неразвитости традиций состязательного судопроизводства и, как следствие, в искаженных представлениях о роли и назначении адвоката-защитника в уголовном процессе.

ВЫВОДЫ

Итак, из сказанного можно сделать вывод, что право на квалифицированную юридическую помощь можно признать одной из основных и наиболее действенных гарантий реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Адвокат-защитник, отстаивая и восстанавливая права и законные интересы конкретного подозреваемого и обвиняемого, вместе с тем действует и в интересах правосудия в целом, поскольку препятствует одностороннему обвинительному взгляду на существо дела.

Защита обвиняемого в совершении преступления лица имеет высокий нравственный смысл, является общественным служением, поскольку только справедливая судебная процедура, обеспечивающая обвиняемому право на защиту, и может рассматриваться как правосудие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. 224 с.
2. Ларин А.М. Презумпция невиновности. М.: Наука, 1982. 152 с.
3. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 465 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
5. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типо-литография А.М. Вольфа, 1885. 66 с.
6. Заливин А.Н. Защитник на стадии возбуждения уголовного дела. Правило Маслова // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 36–38.
7. Адвокат в советском уголовном процессе: пособие для адвокатов. М.: Госюриздат, 1954. 324 с.
8. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Часть 2. Кемерово: Кн. изд-во, 1964. 152 с.
9. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 175 с.

10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
11. Элькин П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Л.: Ленинградский ун-т, 1967. С. 7–44.
12. Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань: Казанский ун-т, 1976. 168 с.
13. Яртых И.С. Адвокатура и власть. М.: Юрлитинформ, 2003. 176 с.
14. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М.: ТК Велби, 2004. 224 с.
15. Памятники российского права. В 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР / под ред. В.А. Лазаревой, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 608 с.
16. Павлов А.А. Формы противодействия расследованию преступлений со стороны защитника // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 173–183.
17. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2005. 512 с.
18. Погодин С.Б. Проблемы правовой регламентации состязательности уголовного процесса // Российский судья. 2004. № 11. С. 13–15.
19. Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 63–69.
20. Быков В. Подозреваемый как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 43–44.
6. Zalivin A.N. Protector on the stage of the initiation of a criminal case. Maslov's Rule. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 2, pp. 36–38.
7. *Advokat v sovetskom ugovnom protsesse: posobie dlya advokатов* [Advocate in Soviet criminal procedure: reference book for the defense lawyers]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1954. 324 p.
8. Motovilovker Ya.O. *Nekotorye voprosy sovetskogo ugovnogo protsessa v svete novogo ugovnoprotsessualnogo zakonodatelstva* [Some issues of Soviet criminal procedure in terms of new criminal procedure legislation]. Kemerovo, Kn. izd-vo Publ., 1964. 152 p.
9. Alekseev N.S., Makarova Z.V. *Oratorskoe iskusstvo v sude* [Public speaking in the court]. Leningrad, Leningradskiy un-t Publ., 1985. 175 p.
10. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [A course in Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 470 p.
11. Elkind P.S. Benefit of counsel in Soviet criminal procedure. *Voprosy zashchity po ugovnym delam*. Leningrad, Leningradskiy un-t Publ., 1967, pp. 7–44.
12. Fatkullin F.N., Zinatullin Z.Z., Avrakh Ya.S. *Obvinenie i zashchita po ugovnym delam* [Criminal prosecution and defense]. Kazan, Kazanskiy un-t Publ., 1976. 168 p.
13. Yartykh I.S. *Advokatura i vlast* [Advocacy and authority]. Moscow, Yurлитинформ Publ., 2003. 176 p.
14. Petrukhin I.L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugovnogo protsessa v Rossii* [Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia]. Moscow, TK Velbi Publ., 2004. 224 p.
15. Lazareva V.A., Khachaturov R.L., eds. *Pamyatniki rossiyskogo prava. Ugovno-protsessualnye kodeksy RSFSR* [Monuments of Russian law. Criminal Procedure Codes of the RSFSR]. Moscow, Yurлитинформ Publ., 2016. Vol. 29, 608 p.
16. Pavlov A.A. The forms of counter force to the crime investigation on the part of a defense lawyer. *Aktualnye problemy teorii i praktiki ugovnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., 2004, pp. 173–183.
17. Garmaev Yu.P. *Nezakonnaya deyatelnost advokатов v ugovnom sudoproizvodstve* [Illegal activities of the defense lawyers in criminal proceedings]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 512 p.
18. Pogodin S.B. The issues of legal regulation of competition of criminal procedure. *Rossiyskiy sudya*, 2004, no. 11, pp. 13–15.
19. Boykov A.D. New Criminal Procedure Code of Russia and the problems of struggle against criminality. *Ugovnoe pravo*, 2002, no. 3, pp. 63–69.
20. Bykov V. A suspect as a party to a criminal proceeding on the part of the defense. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2003, no. 3, pp. 43–44.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. *Modeli ugovnogo protsessa* [Models of criminal procedure]. Sankt Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
2. Larin A.M. *Prezumpsiya nevinovnosti* [Presumption of Innocence]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 152 p.
3. Lazareva V.A., Tarasova A.A., eds. *Ugovno-protsessualnoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedural Law. Important Issues of Theory and Practice]. 3rd izd., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 465 p.
4. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course on Criminal Process]. Sankt Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1, 552 p.
5. Foynitskiy I.Ya. *Zashchita v ugovnom protsesse kak sluzhenie obshchestvennoe* [Defense in criminal procedure as public service]. Sankt Petersburg, Tipolitografiya A.M. Volfa Publ., 1885. 66 p.

**CONCERNING THE INTERRELATION OF THE DEFENDANT'S RIGHT
TO HAVE COMPETENT LEGAL ASSISTANCE AND THE RIGHT OF DEFENSE**

© 2018

S.V. Yunoshev, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: justice; criminal procedure; criminal procedure competition; defendant; right of defense; right to have competent legal assistance.

Abstract: This paper considers the defendant's right of defense in its interrelation with the constitutional right to have competent legal assistance. The author substantiates the thesis that the participation of a defense lawyer in criminal procedure is intended to compensate the procedural disparity of the defense party against the opportunities of the prosecution party in respect of the growing complicacy of the criminal procedural form. It is displayed that, as a rule, the defendant does not have knowledge and skills to countervail the prosecution. Moreover, the author pays attention to the fact that the RF Constitution guarantees every person the right to have competent legal assistance irrespective of his or her formal status within the criminal procedure. Given this, the task of reinterpretation of the advocacy role in criminal procedure is substantiated. As the current Russian Federation Code of Criminal Procedure proposed the defense of person's rights and freedoms as the only purpose of criminal procedure, the activity of any and all official participants of criminal procedure (interrogator, crime investigator, prosecutor, court) should deal with the defense of the rights and freedoms of a person, first of all, of a complainant, suspect, and defendant not to commit the violations of the rights. In light of this, the paper considers the defense lawyer's activity as the activity focused on the serving the interests of justice – when detecting the violations on the part of the investigation bodies and the court, appealing against the actions of the official participants of legal proceedings, struggling for the restoration of violated rights, the defense lawyer works for the improvement of quality of the criminal procedure activity in the whole. Thereout, the public function of a defense lawyer is derived. Following the results of the study carried out in the paper, the author makes the conclusion that the right to have competent legal assistance is the essential guarantee of the enforcement of the right for defense. The limitation of the right to have competent legal assistance affects negatively both the effectiveness of the criminal procedure in the whole and the state of the personality legal defense in particular.